

Цзян Сяочжоу направлялся к лагерю алхимиков, как вдруг заметил знакомую фигуру в уединенной рощице на самой окраине. Это был Цинь Усинь.

Подойдя ближе, Чжоу увидел, что тот уже развел костер и без лишних церемоний взгромоздил на вертел тушу дикого кабана. Рядом на траве лежали еще несколько мертвых зверей. Все звери были убиты одним-единственным ударом: тонкий, едва заметный след меча и больше никаких ран.

Мастерство, с которым этот человек владел клинком, поразительно контрастировало с его несносной болтливостью.

— Брат Цинь, и чем это ты тут занят?

Цинь Усинь так и подскочил на месте. Судорожно пытаясь прикрыть тушки ветками, он испуганно затараторил:

— Цзян Сяочжоу?! Ты как здесь оказался? Да я ничего такого не делаю! Просто похолодало, вот я и пришел погреться у костра...

— Решил мяса пожарить?

— Вовсе нет! — выпалил Цинь Усинь, но под подозрительным взглядом собеседника быстро сдулся. Спустя мгновение он виновато забормотал: — Ну а что мне оставалось? Нас же почти не кормят, я с голоду умираю! Вот и пришлось добывать пропитание самому... Хочешь кусочек?

Ему явно не терпелось втянуть Сяочжоу в дело, чтобы делить ответственность на двоих.

Однако Чжоу кулинарными изысками сейчас не интересовался. Он вежливо отказался и уже собрался уходить, как вдруг его бесцеремонно ухватили за ворот.

— погоди! — Усинь потянул его назад. — Раз уж попался, просто так не уйдешь! Либо садись за компанию, либо давай наложу на тебя духовное заклятие, чтобы ты точно не проболтался генералу Чжану!

«Духовное заклятие?» — Сяочжоу мысленно отметил новое для себя понятие. Не сопротивляясь, он мягко опустился на землю и как бы невзначай спросил:

— А что это за заклятие такое?

— Да откуда ты вообще взялся, если даже элементарных вещей не знаешь? — Цинь Усинь уставился на него с подозрением, но все же снизошел до объяснений: — Ну, что-то вроде

нерушимого договора. Только связывает оно лишь того, на кого наложено. К примеру, наложу я его на тебя с условием помалкивать про кабана. Стоит тебе открыть рот перед генералом — и в то же мгновение твоя голова разлетится на куски. Изнутри бахнет, понимаешь?

Сяочжоу приподнял бровь:

— Вот оно как... Сильная штука.

— Правда, для этого нужно либо обладать подавляющей силой, либо получить добровольное согласие, — лениво добавил Цинь Усинь. — Так что штука довольно бесполезная. Именитые мастера брезгуют подобным, в основном ее используют, чтобы запугивать простых смертных.

Слушая его, Сяочжоу машинально принялся за тушу кабана. Сняв шкуру, он нахмурился: этот зверь не походил на обычных духовных животных. В его жилах явственно ощущались скверна и темное дыхание Царства демонов.

Усинь заворуженно наблюдал за его уверенными движениями.

— Ого! Ты умеешь готовить? Да у тебя талант!

— Так, балуюсь иногда, — Чжоу просто не мог смотреть, как этот варвар переводит хорошие продукты.

Взмахом руки он призвал воду техникой Водного Потока, тщательно промыл мясо и сотворил ледяное лезвие, нарезав кабанину тонкими, ровными ломтиками. Место обычного костра заняло мягкое пламя Искры Лотоса — так было гораздо проще контролировать жар. Из глубин своего пространственного кольца он достал несколько мешочков с приправами. Вскоре над поляной поплыл умопомрачительный аромат.

Однорукий окончательно потерял дар речи от такой кулинарной магии.

Когда Чжоу протянул ему первый шампур со шкворчащим мясом, тот принял его как священную реликвию. Стоило ему вонзить зубы в сочную мякоть, как на глазах его выступили слезы искреннего восторга.

— Братец! Ты просто святой человек! Клянусь, отныне я твой верный последователь до гробовой доски!

Вкусная еда творит чудеса: Цинь Усинь разом растаял, и теперь Сяочжоу мог выведать у него все, что угодно. Болтун отвечал на любые вопросы, даже не задумываясь.

— Если честно, меня самого занесло сюда по чистой случайности, я до сих пор толком не

сориентировался, — Чжоу тщательно подбирал слова, маскируя свое неведение под амнезию.
— Мы сейчас где? В Старой области?

Этот вопрос был ключевым. Ему требовалось подтвердить страшную догадку. Они явно находились далеко от Долины Бренного Мира. Возможно, даже за пределами Новой или Старой областей.

И что самое пугающее — возможно, их разделяли не расстояния, а века.

— Какая еще Старая область? Мы на континенте Цяньюань, — с искренним сочувствием ответил Усинь. — Тебя, небось, тоже свои же подставили? Собрали с каждого ордена по паре человек, а на передовую в качестве пушечного мяса отправили бедолаг вроде нас. Когда все закончится и начнется дележка земель, эти старые лисы будут снимать сливки, а мы останемся просто пешками в их игре.

«Пешка» с досадой вгрызся в хрустящую корочку и, причмокивая, продолжил:

— Ладно, добьем демонических тварей в этой войне — и по домам. Слушай, а давай после всего со мной в Секту Вечных Бедствий? У нас, конечно, приход небогатый, зато начальство не донимает, а духовных камней стабильно отсыплют каждый месяц. Из минусов — духовная энергия жидковата. Хотя грех жаловаться, на самом Цяньюане сейчас такой прилив сил, что я, кажется, вот-вот прорвусь на стадию Зарождения Души.

Чжоу рассеянно кивал, но в его душе слова собеседника отозвались настоящим громом.

Сердце бешено заколотилось в груди, грозя вырваться наружу. Кое-как заставив себя дышать ровнее, он попытался уложить услышанное в голове.

Если это континент Цяньюань... Почему он никогда не слышал о столь масштабной войне?

Битва, в которой участвуют тысячи заклинателей, где на поле боя сталкиваются твари калибра Повелителя демонов Ворóны, затмившей небо, не могла бесследно стереться из хроник.

Ответ напрашивался один: это Цяньюань из далекого прошлого. Эпоха, когда никаких областей — ни Новых, ни Старых — еще и в помине не существовало!

Если догадка верна, то как таинственный белый туман умудрился забросить его на десятки тысяч лет назад?

Двенадцать Башен Белой Яшмы в Старой области простояли больше тридцати тысяч лет. Если сейчас о них никто даже не слышал, значит, он попал в глубокую древность. Из рассказов отца, главы секты Цзян Чангэ, Чжоу помнил лишь смутное упоминание об «Эпохе Первопроходцев».

Но это было лишь красивое название из древних легенд, о деталях которого никто в его времени не имел ни малейшего представления. Даже он знал об этом периоде ничтожно мало.

И надо же было такому случиться — оказаться в Цяньюане тридцатитысячелетней давности!

Теперь все разрозненные детали сошлись в единую мозаику: невиданные ранее ингредиенты, диковинные методы алхимии, незнакомые секты, бесконечная война с Царством демонов и эти странные заветы.

Тридцать тысяч лет — огромный срок. За это время моря успели превратиться в сушу, а некогда великие ордены канули в небытие.

Чжоу нахмурился, погружаясь в безрадостные размышления.

Самый главный вопрос: как вернуться обратно в свое время?

И где Сяо Бай? Перенесся ли он вместе с ним? Он отчетливо помнил, как в последний момент, перед тем как все поглотила пелена, они держались вместе.

— Этот генерал Чжан... Он ведь выдающийся мастер. Тебе известно, кто он такой на самом деле? — спросил Чжоу, пытаясь отвлечься от тревожных мыслей.

— Да никто не знает ни его настоящего, ни даосского имени... Обычно без этого обходятся безродные бродяги-одиночки, лишенные наследия предков. Но его духовные техники настолько чисты и величественны, что язык не повернется назвать его простым бродячим практиком, — задумчиво протянул Цинь Усинь. — Ты видел его в деле? Он ведь тоже мечник, хотя я ни разу не видел его оружия.

Достав из-за пояса клинок, оставленный ему генералом, Чжоу спросил:

— Может, это его меч?

Когда Сяочжоу только пришел в себя, генерал без лишних слов вложил это оружие ему в руку и с тех пор ни разу не потребовал обратно. Чжоу и сам уже успел позабыть о нем.

Усинь мельком глянул на клинок и пренебрежительно фыркнул:

— Обычная казенная железка из армейских запасов.

«Значит, просто подобрал первое, что под руку повернулось», — подумал Сяочжоу. Для истинного мечника его клинок — это продолжение души, некоторые даже возвращают его в

своем духовном море как ядро лотоса. У самого Чжоу, как у алхимика, эту роль выполнял внутренний котел.

— Вот только как человек без имени и ордена умудрился возглавить целое союзное воинство?
— Однорукий на секунду задумался, но долгие размышления были явно не по его части, поэтому он легкомысленно махнул рукой: — А, пустое! Кстати, мое даосское имя — Бездушный Однорукий. Я родился без левой руки. Выглядит диковато, да? А по-моему — жуть как стильно! Способов отрастить конечность в нашем мире пруд пруди, но я сознательно отказался. Двуруких-то вокруг полно, а я такой один, уникальный! Хотя, знаешь, пообщавшись с генералом Чжаном, я понял, что внешность — это вообще мишура. Сам-то он с виду тихий, интеллигентный, даже мягкий, но на поле боя от него исходит такая сокрушительная сила, что подчиняешься беспрекословно. Я ведь, если честно, им по-настоящему восхищаюсь...

«...» — Сяочжоу внутренне застонал. Как заткнуть этот бесконечный фонтан красноречия?

Голос у парня был приятным, но от этой непрерывной трескотни уже начинала раскалываться голова.

— Держи, грызи на здоровье, — с каменным лицом Чжоу протянул собеседнику свежепожаренную свиную ножку. — Мой личный шедевр.

— О-о-о! Спасибо, брат! — растрогался тот и тут же мертвой хваткой вцепился зубами в хрустящую корочку. Ароматный жир брызнул во все стороны, лишив говоруна возможности членораздельно изъясняться. На поляне наконец-то воцарилась относительная тишина.

— Гляжу, у вас тут весело, — раздался тихий, приветливый голос. — Время позднее, почему не отдыхаете?

Генерал Чжан стоял на границе света и тени, мягко улыбаясь.

Цинь Усинь поперхнулся и испуганно затараторил, едва не подавившись:

— Г-генерал Чжан!.. Я... я ничего такого! — Он лихорадочно соображал, то ли выплюнуть недоеденный кусок, то ли попытаться сглотнуть его целиком, отчего выглядел крайне нелепо.

Видя его мучения, военачальник не стал сыпать упреками. Он спокойно присел у костра:

— Если голоден, подкрепиться — дело благое. То, что тыловая служба не успевает вовремя снабжать всех провиантом, скорее моя вина.

Генерал повернулся ко второму нарушителю спокойствия:

— Надо же, Цзян Сяочжоу. Какая встреча. Не думал, что ты любитель ночных пирушек.

Правда, оправдываться было поздно — в руке Чжоу все еще красовался увесистый свиной окорок.

— И все же воинский устав нарушен, так что без наказания обойтись нельзя, — с легкой усмешкой произнес генерал Чжан, приложив ладонь к губам в притворной задумчивости. — Накажу-ка я вас... конфискацией части добычи. Делитесь.

Однорукий с явным сожалением прижал к себе обглоданную кость. Сяочжоу, мысленно покачав головой, протянул генералу оставшуюся порцию мяса. «И этот болтун еще заявлял о своем безграничном восхищении... Перед куском жареной свинины все авторитеты блекнут».

— Благодарю, — улыбнулся генерал, принимая угощение, и не спеша отломил сочный кусочек.

Сидеть бок о бок с верховным командующим и уплетать ворованное мясо — испытание не для слабонервных. Пытаясь разрядить обстановку, Цинь Усинь спросил первое, что пришло в голову:

— Господин генерал, а что привело вас сюда в столь поздний час?

— Обычный ночной дозор.

Собеседник удивленно моргнул:

— Разве сегодня на дежурстве не ребята из третьего восточного лагеря?

Генерал Чжан с интересом взглянул на него, явно не ожидая от ветреного юноши подобной наблюдательности:

— Верно. Но мне не спалось, одолевали думы, вот я и решил пройтись, проветрить голову.

Цинь Усинь внутренне вздохнул: вот что значит истинный лидер. Великий человек не спит, потому что заботится о судьбе армии, а он, обычный смертный, шатается по кустам исключительно ради того, чтобы набить брюхо. Впрочем, простота и доброжелательность генерала помогли ему окончательно расслабиться.

В лагере многие шептались, что военачальник на редкость прост в общении и никогда не кичится своим положением. Однако Усинь интуитивно чувствовал: за этой мягкой ширмой скрывается колоссальная, почти пугающая мощь, испытывать которую на себе не хотелось бы никому.

Командир, не догадываясь о мыслях подчиненного, одобрительно кивнул:

— Даос Бездушный Однорукий... Я слышал, так тебя величают. Твои выступления на передовой не остались незамеченными. Весьма агрессивный, стремительный стиль. Твой меч сияет ярко даже в самой гуще сражения.

— Да пустяки, господин генерал, просто повезло, — застенчиво улыбнулся тот. — На самом деле я парень ленивый. Как представляю, что этим тварям конца-краю нет, так сразу хочется перебить всех побыстрее, чтобы пойти отдыхать.

Ну и сбежать при первых признаках опасности он тоже успевал одним из первых — об этой его особенности в лагере знали все.

Сам Усинь, сообразив, к чему клонит разговор, поспешил перевести тему:

— Раз уж заговорили об оружии... Нам всем безумно интересно узнать, каков ваш меч, генерал. Вы ведь практически никогда не обнажаете его прилюдно. Ночь сегодня ясная, луна полная... Не окажете ли нам честь взглянуть на ваше оружие?

Генерал Чжан на мгновение лишился дара речи от такой непосредственности.

— Простите! Если моя просьба показалась вам дерзкой, я не хотел вас обидеть! — спохватился Однорукий, умевший вовремя дать назад.

— Все в порядке, пустяки. Не думал, что кому-то может быть интересно мое скромное оружие, — тепло отозвался военачальник.

Он сделал легкий пасс рукой, и на его коленях материализовался тяжелый клинок.

— Боюсь, зрелище вас разочарует. Никаких легендарных чар или божественнойковки. Обычный меч, к которому я просто привык.

Это был массивный черный двуручник. Одного взгляда на его угловатый силуэт хватало, чтобы понять, какой нечеловеческой силой нужно обладать, чтобы просто поднять его.

Но генерал не кривил душой — металл действительно оказался самым заурядным. По качеству он уступал даже мечу Чжоугун, которым Сяочжоу пользовался в начале своего пути.

И все же... этот черный клинок показался Чжоу до боли знакомым.

Он точно видел его раньше! Но где?

Сяочжоу заворуженно уставился на черную сталь. Голоса генерала и Цинь Усиня отдались, превратившись в неразличимый белый шум. Он отчаянно пытался заглянуть в глубины памяти, но каждая попытка отзывалась острой, пульсирующей болью в висках — словно невидимые законы мироздания запечатали эту часть его воспоминаний.

Где же, черт возьми, он видел этот меч?..

<http://bllate.org/book/20178/2260082>